

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАРТЕНЕВ

На войне как на войне

В первой половине августа 1944 года я после госпиталя вновь вернулся в свой, ставший родным, третий дивизион. Встретили тепло, по-доброму. Дивизионом по-прежнему командовал П. Харитошкин. Командиры батарей: восьмой – Е. Раухваргер, седьмой – В. Алексеев. В огневых взводах, да и среди разведчиков, связистов заметных перемен в личном составе не произошло.

Батареи продолжали огнем и колесами поддерживать наступление. Оно развертывалось теперь на левом берегу Даугавы. Перейдя на левобережье, дивизия оставалась в составе 4-й ударной армии, которая вновь была передана в состав первого Прибалтийского фронта.

Впереди была Рига. Озера, хвойные и смешанные леса, хуторская система – всё напоминало условия правого берега, где мы действовали до начала августа. Но были и отличия.

Если от реки Полоты до реки Нереты мы преследовали противника почти всё время в одном направлении, вдоль Западной Двины, то теперь дивизию всё чаще перебрасывали с одного участка на другой. Менялся фронт наступления. Маневр следовал за маневром. И это было естественно. В июне-июле после прорыва немецкой обороны под Полоцком шло почти непрерывное преследование стремящегося оторваться от советских войск противника. А с середины августа нам приходилось не только наступать, но и нередко самим держать оборону, отражать танковые атаки, постоянно искать слабые места у упорно сопротивляющегося врага.

Мне, в то время начальнику разведки дивизиона, довольно часто приходилось выбирать огневые позиции для батарей. Обычно вместе с одним из разведчиков мы выезжали вперед, находили подходящее место, проверяли подъезды, определяли гребень укрытия. Словом, делали всё, что полагается в подобных случаях. Иногда огневые позиции размещались в населенных пунктах. Так было, например, в Краславе. Но чаще – на опушке, в лесу, как это было западнее Балдоне, в районе Нигранды.

В конце августа, после прорыва оборонительного рубежа, было приказано выбрать огневую позицию для восьмой батареи. На карте отметили возможный район: несколько в стороне от основной дороги, забитой наступающими. Батарею везли извилистой лесной дорогой глубокой ночью. Машины замаскировали в лесу. Гаубицы поставили на опушке леса. Чуть позже подтянулось хозяйственное отделение.

Утром, поднявшись раньше всех, я решил осмотреться, а затем выбрать дальнейший маршрут. Прошелся вдоль опушки, потом в сторону разрушенного хутора и плодовых посадок. В глаза бросился необычно длинный, раскрученный на поле виток сена. Остановился. Невдалеке заметил погибшую кошку, а рядом – проволоку, натянутую невысоко над землей.

Продолжая осмотр, убедился, что передо мной – край минного поля. На нем «прыгающие» мины – их называли «лягушками». Чуть далее – противотанковые. Кошка, очевидно, задела проволоку и подорвалась на одной из таких мин.

Объясняю старшему на батарее С. Ворыханову возникшую ситуацию. Отходить в сторону от огневой, двигаться в направлении хутора нельзя. Решаем, быстро накормив людей, выбрать безопасную дорогу и догонять ушедшие вперед стрелковые подразделения. Поехал вдоль опушки в поисках свободной от мин дороги. Навстречу двигался противотанковый дивизион, видимо, также в поисках безопасного пути. Пытаюсь предупредить иптаповцев, но головная машина, не обращая внимания на сигналы, сворачивает в сторону и буквально на наших глазах подрывается на противотанковой mine. Тяжело ранены командир дивизиона, водитель...

Спустя полчаса нашли дорогу, уже разминированную саперами. Батарею вывели из опасного района. Не знаю, все ли из огневигов представляли, какой опасности подверглись ночью, размещаясь рядом с минным полем...

Минные заграждения приходилось устанавливать и нам, артиллеристам. В обороне минировали подходы к огневым. Если батарея снималась с позиции, мины полагалось снимать или передавать точную схему минного поля сменяющим подразделениям.

Одним из наиболее опытных ветеранов дивизиона был командир «восьмерки» Ефим Раухваргер. Это был молодой, чрезвычайно энергичный офицер, умевший находить выход из сложных, запутанных положений. Под Даугавпилсом он вел свою батарею ночью, лежа на крыле автомашины американского студебеккера и слегка подсвечивая фонариком извилистую лесную дорогу. Ему удалось скрытно (в лесу были немецкие автоматчики) вывести батарею на местности, он умело корректировал огонь.

Приходилось вести пристрелку и в необычных условиях. Однажды ему было приказано пристрелять проходы в минном поле, установленном саперами в расположении боевых порядков на стыке двух соседних батальонов. Боевые порядки были разрежены, огневых средств в стрелковых подразделениях не хватало, и, чтобы усилить стык, решили заминировать довольно большой участок, а проходы пристрелять – на тот случай, если сюда попробует сунуться противник.

Наблюдательный пункт был расположен на опушке соснового леса. Стрельбу комбат вел по шкале красных, постепенно уменьшая деления прицела. Проход в минном поле заканчивался недалеко от НП, и он посчитал необходимым заранее пристрелять этот участок. Ни одна мина в ходе пристрелки не сдетонировала, но последний гаубичный снаряд (то ли оттого, что отсырел пороховой заряд, то ли оттого, что попал выстрел из соседней партии) зацепил за верхушку сосну, разорвавшись буквально над головами. Стреляющим пришлось буквально нырнуть в траншею. Это было то редкое исключение, которое иногда не минует и самых опытных и предусмотрительных корректировщиков огня.

Разумеется, боевая работа не всегда была гладкой, спокойной. Каждый просчет, как и успех, делали нас опытнее, учили предусмотрительности, поднимали чувство ответственности.

Обычно перед очередной операцией полки усиливались не только своими огневыми средствами, но также артиллерией, минометами, «эрэсами» из армейских частей, фронтового резерва. В таких случаях командиры дивизионов становились командирами полковых артиллерийских групп (ПАГов). Как и все другие штабы, мы в

штабе 3-го дивизиона готовили данные для прибывающих и включаемых в ПАГ артиллерийских подразделений. Проще говоря, распределяли цели, чертили схемы, делали сколки с карт, писали краткие пояснения к документам.

После ранения Е. Раухваргера мне довелось принять его батарею. Вскоре было приказано совершить ночной марш в направлении Кекава – Рига. Двигаться пришлось по размытой дождями узкой дороге с крутыми обрывами, резкими поворотами. Приходилось часто останавливаться, подстилать лапник, хворост, укреплять проезжую часть. Во второй половине ночи колонна двигалась по Рижскому большаку западнее Балдоне. До района огневых, обозначенного на карте, оставалось километр-полтора.

Остановив батарею, решил уточнить начертание переднего края, расположение сменяемых частей. Справа на высотке чернели силуэты танков. Из расспросов танкистов выяснилось, что они прорывались к Риге без пехоты. До города оставалось километров шестнадцать. Ночью линию переднего края несколько спрямили, отойдя назад к перекрестку дороги, что размещался на небольшой высотке. В результате отмеченный на карте район огневых оказался впереди переднего края, рядом с пулеметной точкой противника. Выяснить, где находятся стрелковые подразделения, которые мы должны были сменять, не удалось. Пришлось лишний раз убедиться: нельзя слепо доверять карте, обстановка может измениться очень быстро.

В те дни, в конце сентября, нам казалось, что именно 4-я ударная армия будет наступать на Ригу, участвовать в её непосредственном освобождении. Ведь наши части находились ближе всех к этому старинному городу. Планы фронтового командования были неведомы.

А в это время принималось решение о перенацеливании основных усилий фронта с рижского на мемельское направление и, соответственно, перегруппировке главных сил.

«Утром 24 сентября, – писал маршал И.Х. Баграмян, – была получена новая директива Ставки Верховного Главнокомандования о перенаселении главного удара фронта с рижского направления на мемельское, с тем чтобы отсечь группу армии «Север» от Восточной Пруссии. Это был приказ о проведении Мемельской операции, которой суждено было стать решающей в ходе всей Прибалтийской стратегической наступательной операции...»¹

¹Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977, с. 433–434.

В результате перегруппировки сил на мемельское направление участок правого крыла, где действовали дивизии 4-й ударной армии, передавался соседнему фронту. Линия 1-го Прибалтийского фронта сокращалась с 303 до 188 километров. Оказалось, что ночной марш в район Балдоне был одним из этапов этой перегруппировки. Это помогло освободить и перебросить под Шауляй соединения 43-й армии.

В ночь на 1 октября 332-я стрелковая дивизия совершила новый марш, по маршруту Сили – Бауска – Жеймелис (Жеймелай) – Ионишкис. Города и пункты, по которым пролегал маршрут, запомнились плохо. Мы вновь пересекли границу Латвии и вступили на территорию Литвы.

Дивизии, входившие в состав 4-й ударной армии, получили задачу прикрывать правый фланг Ударной группировки 1-го Прибалтийского фронта. Фронт начал наступление 5 октября, а мы – двумя днями позже, в направлении Акмяне – Эзере.

Несколько дней спустя огневые и наблюдательные пункты дивизиона разместились в районе железнодорожной станции Вента. На опушке леса оборудовали и тщательно замаскировали наблюдательные пункты, построили прочные землянки. Противник особой активности не проявлял. Его оборона носила очаговый характер. Огневые точки не были соединены ходами сообщения. Отсутствовала сплошная линия окопов.

Венту форсировали без шума, не обнаруживая себя. В ночь с 15 на 16 октября подразделения 1115-го стрелкового полка подошли к реке и преодолели её с помощью заранее подготовленных лодок и понтонов. Что делалось на другом берегу – было неизвестно.

Казалось, противник поджидает, готовится открыть огонь в упор. Справа на темном фоне выделялся силуэт железнодорожного моста. Там и на некоторых других участках завязалась стрельба, вспыхивали огневые дуэли. У нас же высадка на противоположный берег прошла бесшумно. Где-то вверху промелькнули фигуры немецких солдат, которые предпочли отойти без боя.

Форсировать Венту вновь пришлось 20 ноября в более сложных условиях в районе Нигранды. А несколько ранее, 24 октября, пришлось выдержать лесной бой с противником, атаковавшим нас при поддержке танков. Бой проходил недалеко от железной дороги, в лесу восточнее Вайноде.

Удар немцев оказался неожиданным. Наша батарея поддерживала батальон капитана Плаксина. К переднему краю были подтянуты тылы и штабы. Ночью со стороны противника слышался шум моторов. Этому не придали большого значения, утром готовились наступать.

Однако противник нанес удар на час раньше. Накануне мы перемещались, оборудовали новый наблюдательный пункт, тянули связь, словом, разведчики, связисты намаялись вполне. Вот я и решил «поработать» за подчиненных. Большую часть ночи просидел на наблюдательном пункте в качестве наблюдателя с телефонной трубкой в руке. Периодически докладывал в штаб дивизиона:

– Редкий ружейно-пулеметный огонь. Шум моторов.

В пять утра, когда противник бросил на батальон пехоту и танки, расчеты были готовы к немедленному открытию огня. Связь с огневой работала безотказно. Перед батальоном в считанные мгновения был поставлен плотный заградительный огонь. Для атакующих это оказалось неприятным сюрпризом. Немецкие солдаты вынуждены были остановиться, затем пытались обойти батальон с фланга.

Тем временем метрах в двухстах от нас по лесной просеке выдвинулись немецкие танки с группой автоматчиков. Слева сзади вела огонь минометная батарея. Фашисты подошли к ней почти вплотную, но расчеты продолжали свою работу. Трубы минометов были установлены почти вертикально, мины рвались буквально в нескольких шагах от огневой.

Обстановка оставалась напряженной. Батальон практически не был атакован с фронта, но справа и слева противник потеснил наши части. Соседи под напором атакующих отошли. Один из батальонов оказался отрезанным наступавшими танками и автоматчиками.

Что оставалось делать? Инициатива на стороне противника. Командиры рот обступили командира батальона, ожидая его решения. Но тот колебался. В сложной обстановке лесного боя батальон бездействовал, а его командир проявил нерешительность.

Командование практически принял на себя старший адъютант батальона. Он решил выходить из леса группами к основным силам. Вместе со старшим адъютантом двинулись радисты и группа управления. С нами шли петезэровцы. Выйдя на опушку леса, мы развернули рацию и открыли артогонь по танкам и автоматчикам. Старшина К. Гладких и рядовой В. Ложкин нас прикрывали. Огонь вели «на себя», ибо немецкие танки находились между нами и батареей.

Разрывы 122-миллиметровых снарядов заставили автоматчиков противника плотнее прижиматься к танкам. Мы отчетливо видели разрывы снарядов, хорошо различали вражеских солдат, оказавшихся под огнем наших орудий. Перебегая ближе к нам, они всё внимание направляли в противоположную сторону – туда, откуда летели снаряды.

Тем временем опасность оказаться «замкнутыми» в лесу, где хозяйничал противник, возрастала. Небольшая группа управленцев «восьмерки» оказалась в отрыве и от батальона, и от основных сил. Не обнаруживая себя, решили свернуть рацию и попытаться выйти к своим. Выходили под огнем танков, перебежками, но потерь не имели.

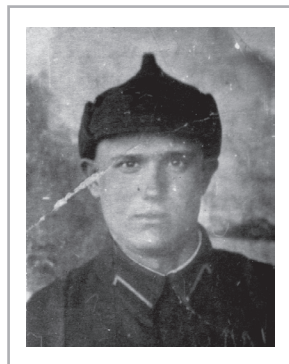
На опушке встретили командира полка. Доложив обстановку, получили новую задачу – поддерживать огнем батальон майора В. Щукина. Этот батальон располагался с противоположной стороны просеки, на которой продолжали действовать немецкие танки. Потеснить нас им не удалось. Артиллерийским огнем удалось подбить одну или две машины. Подошло подкрепление – артиллерийские батареи, самоходные установки. На флангах нашего батальона были установлены крупнокалиберные пулеметы.

К концу дня позвонил начальник штаба И. Модин:

– Расход боеприпасов слишком велик. Гаубичных осталось немного. Вести огонь только в случае крайней необходимости и только пушечными.

Ночь прошла относительно спокойно. Немцы эвакуировали поврежденные танки. На лесной просеке остались куски металла, звенья гусениц, стреляные гильзы.

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ РАК

Станции Дретунь и Полота

Огневые позиции, которые заняли наши батареи, были хорошо оборудованы предшественниками: добротные землянки, глубокие ровики под снаряды. Огневые взводы особенно не заботились об устройстве жилья и остальных сооружений. На данном участке станции Дретунь противник активных действий не предпринимал. Иногда в ночное время слышались редкие пулеметные очереди, появлялись вспышки осветительных ракет противника.

После изнурительного 110-километрового марша в феврале 1944 года по бездорожью, в пургу, метель, благодаря уютным и теплым землянкам воины смогли отдохнуть, высушить обувь, одежду. Настроение у всех было приподнятое еще и потому, что Красная Армия успешно вела наступательные операции под Корсунь-Шевченко, где окружила большую группу немецких войск. В это же время было прорвано кольцо блокады города Ленинград.

Жизнь в обороне обрела новый характер. Необходимо было в короткий срок уточнить всю систему огневых средств противника на переднем крае и выявить цели, пристрелять их, оформить в артиллерийских документах, составить схемы целей врага.

Началась кропотливая работа передовых наблюдательных пунктов. Велось круглосуточное наблюдение за всеми действиями противника. В то же время на батареях не переставала вестись упорная учеба личного состава огневых взводов. Кроме боевой учебы непрерывно велась и политическая работа. Политработники читали лекции, проводили беседы о событиях на фронтах.

Надо отметить, что здесь, в обороне под станцией Дретунь, мы впервые услышали мотив и слова нового гимна СССР. Радостно и то, что в это же время был исполнен «Марш Ивановской 332-й стрелковой дивизии», слова и музыку которого написал начальник клуба дивизии капитан И. Григорьев.

Кроме всего приятного, артиллеристов нашего полка ожидала впереди трудная задача. Нелегкой она была потому, что здесь, под станцией Дретунь, на важном Полоцком направлении Витебского выступа враг укреплялся длительное время. Настроил ДОТов, ДЗОТов, разветвленную сеть траншей, минных полей, противотанковых препятствий.

Уставшие от трудных боев и утомительных маршей артиллеристы почувствовали в обороне в какой-то степени отдых. Естественно, в обороне немного легче, чем в наступлении.

Но недолго пришлось быть в обороне. Произошло совершенно неожиданное. Противник в ночь 3 марта 1944 года под покровом темноты совершил отвод основных сил с переднего края на заранее подготовленные оборонительные линии к станции Полота, оставил заслоны, прикрывающие отходящих.

Наша разведка и разведка стрелковых полков дивизии не обнаружила отход частей противника в ту ночь. Это было на руку противнику. Немцы, используя густо-лесистую местность, скрытно ушли от преследования.

Нам не удалось нанести надлежащего удара по отступающим частям противника. Немцы же, отходя без боя, оставили до сорока сожженных населенных пунктов.

Стрелковые подразделения дивизии и артиллерийский полк смогли только во второй половине дня 4 марта сняться со своих оборонительных рубежей, огневых позиций, пересечь траншеи, оставленные немцами и начать преследование врага.

При отходе немцы оставляли по дорогам крупные заслоны. Советские стрелковые части с помощью отдельных орудий прямой наводкой сбивали заслоны, уничтожая пулеметные точки врага, расширяя путь преследования нашим стрелкам.

Отступая от станции Дретунь до станции Полота, немцы на всем протяжении железнодорожного полотна подрывали каждый стык рельсов, взрывали мосты, переправы, на дорогах делали завалы из леса.

5 марта под вечер стрелковые части 1119-го и 1117-го стрелковых полков подошли к обороне немцев под станцией Полота.

Прорвать оборону врага с ходу передовым частям не удалось. Мы столкнулись с той самой линией обороны, которую Гитлер называл линией «Тигр».

Передовым частям было приказано занять оборону. Начались сооружения траншей, ходов сообщения, оборудования пулеметных точек, вырубка леса вдоль переднего края обороны.

Наблюдательные пункты артиллеристы полка оборудовали на самых высоких соснах. 5 марта 1944 года стрелковые полки расположились перед обороной немцев в следующей последовательности: справа от железной дороги перед станцией Полота, правее перед деревней Казимирово, далее по густо-лесистой, болотистой местности на северо-запад занял оборону 1119-й полк, поддерживаемый первым дивизионом.

На правом фланге нашими соседями были части 101-й стрелковой бригады. Слева от железной дороги против станции Полота, по территории совхоза «Полота», расположился в обороне 1115-й стрелковый полк с третьим артдивизионом, а левее его, на юго-востоке, занял оборону 1117-й полк, поддерживаемый вторым артдивизионом.

Таким образом, оборона проходила на рубеже Старас Нива – Заболотье – Калиновка – Черная лужа – совхоз «Полота».

Новая местность, новая оборона, да еще в такое время, где достаточно было в лесах глубоких снегов, создавали для воинов дополнительные трудности. Нужно было в кратчайшее время соорудить огневые позиции батарей, землянки для жилья личного состава батарей, ровики для складирования боеприпасов, укрытие лошадей, оборудовать наблюдательные пункты. Установить точное расположение противника, его огневые средства, пристрелять цели и вести непрерывное наблюдение за противником. Все эти задачи выполнялись в самые сжатые сроки. И так мы встали в оборону перед линией «Тигр».

Как таковой станции Полота к нашему приходу не существовало. Она, как и многие станции, была сожжена немцами. От станции Полота и окрестных сел остались одни названия на картах.

Эта линия немецкой обороны тянулась от правого берега Западной Двины, пересекая железную дорогу, которая связывала город

Невель с городом Полоцк. Основу укреплений немецкой обороны составляли бронированные пулеметные гнезда, расположенные по всей линии обороны в шахматном порядке, а также прочные железобетонные ДОТы.

Из-за густо-лесистой и заболоченной местности стрелковые подразделения занимали оборону опорными пунктами.

Оборона строилась с таким расчетом, чтобы при ведении пулеметного огня по противнику мертвая зона должна перекрываться. На нейтральной полосе создавали минные поля.

Поддерживая 1119-й полк, командир дивизиона майор И.Ф. Егоров, я – как начальник разведки дивизиона, начальник связи дивизиона И.П. Юрченко, командир топографического взвода дивизиона М.М. Виноградов, разведчики и связисты расположили свой наблюдательный пункт и узел связи на окраине опушки леса с правой стороны от железной дороги перед станцией Полота.

Рано утром 8 марта 1944 года мы услышали приближающийся стук колес поезда, а затем над лесом появился черный дым из трубы паровоза. Егоров тут же приказал связистам передать на батарее команду: «Приготовиться к бою!». И тут произошло для нас неожиданное.

Вместо ожидаемого товарного поезда медленно подходил к переднему краю обороны немецкий бронепоезд, который впереди себя толкал железнодорожную платформу; на ней сидело до пятидесяти вражеских автоматчиков.

Как только платформа поравнялась с траншеями, немцы быстро соскочили с нее и двинулись на нашу оборону, ведя огонь. Одновременно бронепоезд стрелял из автоматических пушек, пулеметов, прикрывая наступающих автоматчиков. Завязалась ожесточенная схватка стрелковых подразделений 1119-го полка с вражескими автоматчиками.

Не медля ни минуты, батареи первого артиллерийского дивизиона четко выполняли команды майора Егорова. Снаряды ложились прямо в цель наступающих немцев. Стрелковые подразделения стойко сражались и не отступали ни на шаг. А когда большая часть вражеских автоматчиков была уничтожена, уцелевшие повернули обратно.

Егоров приказал дать залп по бронепоезду. Разрывы снарядов наших батарей ложились у бронепоезда, заставили немцев отцепить платформу и на бронепоезде уехать к себе в тыл.

Так мы встретили Международный женский день новой боевой операцией.

В этом бою был легко ранен в руку пулей майор И.Ф. Егоров, но поля боя он не оставил, а продолжал корректировать огонь батарей дивизиона.

Во второй половине дня всё утихло, немцы не наступали. Командир дивизиона Егоров вызвал к себе на наблюдательный пункт начальника штаба капитана Орловского и передал ему командование артдивизионом. Поздно вечером 8 марта Егоров в сопровождении ординарца Т.Т. Пешкова отправился в санитарную часть артиллерийского полка.

Временная смена командира дивизиона не повлияла на ход дальнейших боевых действий под станцией Полота. Капитан Ф.С. Орловский – кадровый офицер, прошедший боевой путь с первого дня войны в качестве командира батареи, а затем начальника штаба первого артиллерийского дивизиона. Грамотный, волевой командир, он решал боевую задачу уверенно в любой боевой обстановке. Его хорошо знали все артиллеристы дивизиона.

С приходом Орловского приступили к оборудованию командного пункта и штаба дивизиона, сооружали в лесу свое жилье и на одной из самых высоких сосен, перед обороной противника, установили стереотрубу, протянули связь и приступили к постоянному наблюдению за немецкой обороной.

Так начались будни в обороне перед станцией Полота. С левой стороны железной дороги в стыке 1115-го и 1117-го полков были оборудованы наблюдательные пункты командиров второго и третьего дивизионов.

Командный пункт командира артполка майора К.И. Крамаренко совместно с командующим артиллерии дивизии полковником С.Я. Калягиным находился в центре усадьбы совхоза «Полота».

До конца апреля 1944 года немцы на нашем участке фронта боевых действий больше не предпринимали, лишь забрасывали нас антисоветскими листовками. С мая немцы стали вести разведку с аэростата, который поднимался утром в районе станции Полота и висел весь день до наступления темноты.

Казалось, что в обороне было спокойно, но это далеко не так. Немцы много раз добавляли нам хлопот своими вылазками на переднем крае с целью разведки. И каждый раз получали они отпор.

3 мая 1944 года немцы предприняли крупную разведывательную операцию со стороны деревни Казимирово, что правее станции Полота, в трехстах метрах. На этом участке оборонялся первый батальон 1119-го полка, который поддерживал первый артиллерийский дивизион.

За два дня до этой операции на наблюдательный пункт артдивизиона прибыл вновь назначенный командиром дивизиона капитан И.И. Сало. Орловский снова стал начальником штаба дивизиона.

Ранним утром противник обрушил сильный артиллерийский огонь на воинов первого стрелкового батальона. Загудела земля, кругом рвались снаряды, трещали пулеметы, всё заволокло черным дымом. Со стороны деревни Казимирово противник шел в наступление тремя группами, человек по шестьдесят в каждой.

Заговорили станковые пулеметы. Немцы не ожидали сильного огня и повернули влево, стараясь обойти пулеметные точки. Но им не удалось пройти через нашу оборону: мощный артиллерийский налет орудий первого артиллерийского дивизиона заставил противника в беспорядке отойти на свои рубежи. Немцы в этом бою понесли большие потери. Уцелевшие немцы спасались бегством.

Конечно же, в разведку ходили не только немцы. Частые ночные поиски разведчиков по захвату «языка» заканчивались успехом. Так, 22 мая 1944 года под покровом ночной темноты группа разведчиков проникла в глубь обороны противника и ждала рассвета. А когда стало светло, меткими выстрелами из 122-миллиметровых гаубиц третьей батареи были накрыты не только огневые точки на переднем крае, но и полностью выведена из строя немецкая минометная батарея. Тем временем разведчики быстро ворвались в траншеи и захватили пленного. Когда разведчики достигли своих траншей, немцы опомнились и стали вести бесприцельный огонь из артиллерии по нашим позициям, но было уже поздно. Мы все радовались общему успеху по захвату «языка», который так был необходим.

Были, безусловно, и неудачи. Когда было решено сбить аэростат противника над станцией Полота, операцию поручили провести артиллеристам третьей и восьмой батареей первого артиллерийского дивизиона. На переднем крае стояла полная тишина. Июньским утром аэростат, с которого немцы вели наблюдение за нашим передним краем и тылами, высоко поднялся над лесом. И вот про-

гремел залп орудийных батарей по аэростату, бризантные снаряды рвались около цели. Видя, что его могут сбить, аэростат стал быстро снижаться. Второго выстрела батарей не последовало. Через несколько минут грянул ответный залп немецкой тяжелой артиллерии. Прямым попаданием два орудия третьей батареи были выведены из строя. Орудийные расчеты погибли вместе со старшим по батарее капитаном В.П. Буяновым. Но аэростат после этой дуэли больше не поднимался.

Долго артиллеристы 1-го артдивизиона не смогли перенести эту тяжелую утрату. Но война есть война, без жертв не бывает. В своих воспоминаниях С.А. Бартенев пишет так о данных событиях: «После этих событий наступила относительная тишина по всей линии обороны. Немцы перестали проводить ночные вылазки».

Тишина была обманчивая. В первой половине июня 1944 года противник под покровом ночной темноты и тумана, пробравшись через передний край, углубился в оборону и наткнулся на землянку командира первого батальона 1119-го полка. Окружив землянку, немцы предложили сдаться всем в плен. В это время в землянке находились комбат, начальник связи и начальник штаба батальона, а также несколько солдат. Когда командиры услышали немецкую речь у двери землянки, сразу забаррикадировались.

Все молчали, приготовили оружие. Командир батальона успел сообщить в штаб полка: «Мы окружены». На этом связь прервалась. Длинными очередями из автоматов через дверь начальник штаба и несколько солдат были ранены. Спустя минуты две, немцы снова предложили им сдаться. В ответ на сдачу из землянки в дверь дали несколько автоматных очередей.

Тогда немцы решили бросить гранату в окно. Разрывом гранаты многих ранило, командир батальона и начальник связи были контужены. Но никто и не думал сдаваться, отстреливались. На помощь своим была поднята по тревоге рота автоматчиков, которая ввремя подоспела.

Заслышав приближение автоматчиков, немцы стали отстреливаться и отходить. После этого случая наша оборона, особенно в лесу, была усилена. Началось сооружение сплошной линии траншей на всех участках.

332-я дивизия прочно стояла в хорошо оборудованной обороне. В течение всего июня 1944 года противник неоднократно пытался

захватить пленного, чтобы получить информацию о расположении наших частей, огневых средств. Каждый раз получал достойный отпор, неся большие потери.

Командование дивизии и артиллерийского полка хорошо понимало, что скоро придет время для решительного удара по позициям врага.

1944 год для Красной Армии был решающим годом побед. Оккупанты всё еще надеялись на что-то и цеплялись за каждый рубеж, в том числе и под станцией Полота.

Тем временем в частях дивизии и артполка шла упорная учеба по совершенствованию боевого мастерства и политико-воспитательная работа среди бойцов и командиров. Читались лекции о международном положении, обсуждались операции прошедших боев, показывались кинофильмы, выступали перед бойцами и командирами концертные бригады. Был организован шестидневный Дом отдыха, в котором отдыхало более ста двадцати солдат и командиров. Много сил по организации и устройству Дома отдыха отдала младший лейтенант Евдокия Федоровна Смирнова.

891-й артиллерийский полк пополнялся свежими резервами, материальной частью. Подготовка к предстоящим боям шла полным ходом. В июне 1944 года активность противника заметно снизилась.

А в это время ночные бомбардировщики У-2 бомбили военные объекты в Полоцке. Объятый ярким пламенем город горел. Интенсивные налеты авиации предвещали общее летнее наступление на широком фронте. Частные вызовы командиров артиллерийских дивизионов в штаб полка подтверждали, что скоро начнутся наступательные операции. Весь личный состав полка был готов. Ждали приказа. Наши надежды вскоре оправдались.

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ КРАМАРЕНКО

В составе операции «Багратион»

По приказу командования 4-й ударной армии 26 июня 1944 года 332-я стрелковая дивизия и 891-й артиллерийский полк передали свою оборону подразделениям Латышского стрелкового корпуса и, совершив днем 43-километровый марш, сосредоточились в районе деревень Роща – Коржеки – Погоры – Заборье.

Расположив свои батареи с восточной стороны деревень Заборье, Коржеки, артиллеристы сразу приступили к оборудованию огневых позиций. Взводы управлений батарей потянули связь к передовым наблюдательным пунктам в расположение передовых стрелковых рот. Вся эта операция проходила в одну короткую июньскую ночь. Другого времени не отводилось. Сроки были предельно сжаты.

Во второй половине дня 28 июня 1944 года я собрал командиров дивизионов И.И. Сало, В.С. Герасимова, П.В. Харитошкина, начальников связи, разведки дивизионов, командиров батарей и поставил перед ними боевую задачу: срочно организовать выявление огневых средств противника, пристрелять и быть готовыми к предстоящим наступательным операциям.

После совещания я предложил всем направиться на передний край обороны в расположение 1117-го стрелкового полка, чтобы уточнить на местности участок прорыва обороны немцев. После всех уточнений и увязки со стрелковым полком я обратился к командирам дивизионов: «Кто из вас желает поддерживать 1117-й полк?» Первым вызвался капитан И.И. Сало, который был назначен командиром первого артиллерийского дивизиона вместо временно назначенного Орловского.

Участок, с которого намечалось сделать прорыв немецкой обороны, был местами заболочен, с мелким кустарником, а местами была совершенно открытая местность.

Для артподготовки были подключены все батареи полка, включая артиллерию стрелковых полков.

29 июня 1944 года ровно в 12-00 началась мощная артиллерийская подготовка на узком участке прорыва. Удар был настолько неожиданным и мощным, что противник почти не сопротивлялся.

Когда огонь всех батарей артиллерийского полка был перенесен в глубь обороны противника, второй батальон 1117-го стрелкового полка быстрым броском овладел первой линией обороны немцев. В прорыв устремились несколько танков Т-34. Немцы, сопротивляясь, отходили на второй рубеж. Артиллеристам приходилось, что называется, выкуривать каждую огневую точку врага.

Особенно ожесточенный бой продолжался весь день 30 июня.

Поистине жарким был день для всех: не только тех, кто был на передовых наблюдательных пунктах, в цепи наступающих стрелковых рот, но и орудийных расчетов, которые непрерывно вели огонь со своих орудий. При поддержке танков и меткого артиллерийского огня батальоны 1117-го полка ворвались во вторую линию обороны противника.

Немцы яростно сопротивлялись; они обрушили всю мощь своего артиллерийского огня на наши передовые позиции. Стрелковые роты несли потери, выбыли из строя и несколько артиллеристов-корректировщиков.

В этом бою под деревней Борецки погиб начальник связи дивизиона И. Юрченко вместе со своими двумя радистами. От прямого попадания в ровик был убит ординарец командира дивизиона Т.Т. Пешков. Для дивизиона это была большая потеря.

К вечеру 30 июня 1944 года вражеская артиллерия стала реже вести огонь по нашим передовым позициям. Ранним утром 1 июля 1944 года немцы под покровом тумана тихо снялись со своих позиций и отошли на заранее подготовленные рубежи.

Все полки 332-й стрелковой дивизии и 891-й артиллерийский полк начали преследовать врага, отходящего к Полоцку.

По пути отступления немцы оставили сильные заслоны, вооруженные пулеметами и поддерживаемые дальнобойной артиллерией. Как правило, заслоны были снабжены мотоциклами с целью быстрого маневрирования от одного рубежа к другому. Порой заслоны

врага сдерживали наступление на несколько часов. В таких случаях нередко приходилось артиллеристам выкатывать пушки на прямую наводку. Противник не выдерживал и отходил всё дальше на запад.

2 июля стрелковые полки 332-й дивизии перерезали железную дорогу Полоцк – Невель и устремились к реке Дрисса. В этот же день 1117-й стрелковый полк форсировал речку Полота, оседлал большак между населенными пунктами Боровичи – Зеленый городок, а 1115-й и 1119-й полки дивизии с третьим артдивизионом вышли к реке Дрисса. 1117-й полк и второй артиллерийский дивизион вплотную подошли к городу Полоцк и завязали ожесточенные бои, принимая участие в окружении врага. Кольцо вокруг города Полоцк сжимали с северо-запада части 4-й ударной армии, а с юго-запада – части 6-й гвардейской армии.

Фашисты, боясь полного окружения полоцкой группировки, бросали технику, начали поспешно отходить вдоль правого берега реки Западная Двина на Двинск (Даугавпилс). К исходу дня 4 июля 1944 года город Полоцк был полностью очищен от немецких войск. Одновременно 1119-й стрелковый полк при поддержке первого артиллерийского дивизиона освободили населенный пункт Гамзелово и станцию «Боровуха-1» на участке железной дороги Полоцк – Двинск.

5 июля, находясь временно в обороне, мы услышали радостную весть: в приказе Верховного Главнокомандующего было сказано о том, что в боях за овладение городом Полоцк отличились в том числе и войска 332-й стрелковой дивизии под командованием полковника Тихона Федоровича Егошина. 23 июля 1944 года 332-й стрелковой дивизии было присвоено почетное звание «Иваново-Полоцкая стрелковая дивизия имени М.В. Фрунзе».

Это сообщение еще сильнее воодушевило воинов 891-го артиллерийского полка на новые подвиги во имя быстрейшего разгрома врага.

За период боев с 29 июня по 28 июля 1944 года артиллеристы совместно со стрелковыми полками дивизии освободили более тридцати населенных пунктов и прошли с боями около пятидесяти километров по Витебской области. За это время артиллерийский полк уничтожил более 15 орудий, свыше 50 огневых точек врага.

За мужество и отвагу многие воины артиллерийского полка были удостоены правительственных наград.

После освобождения Полоцка части стрелковой дивизии, поддерживаемые артиллерийским полком, продолжали преследовать

врага. Темп наступления с каждым часом нарастал, но и нарастало сопротивление немцев.

Частые контратаки противника, мощные артиллерийские налеты успеха не имели. Немцы несли большие потери в живой силе и технике. Под мощным натиском стрелковых частей и артиллерийских батарей враг не выдерживал, всё дальше и дальше откатывался на запад к границам Литовской, Латвийской СССР.

Преследуя отступающего врага, 1115-й и 1119-й полки вместе с первым и вторым дивизионами скрытно в ночной темноте подошли к реке Дрисса и завязали бои на его окраинах. 1117-й полк, поддерживаемый 3-м артдивизионом, оказал поддержку наступающим частям.

Передовые роты вместе с артиллеристами полка устремились в направлении на Дворжицу, Яново, Подозерки. А затем освободили город Дрисса, форсировали реку Сарьянка и продвигались с боями, километр за километром освобождая Родину. Враг цеплялся за каждый населенный пункт, высоту, сдерживал наше наступление.

Порой артиллеристы тащили свои орудия по болотам, густым лесам, по бездорожью...

К исходу дня 9 июля подошли к крутым берегам реки Дрисса. Дивизия с артиллерийским полком готовились к переправе через неё с целью быстрейшего захвата плацдарма на западном берегу. С восточной стороны вплотную простирался густой сосновый лес. Устанковка артиллерийских батарей в сосновом лесу была затруднена из-за густых высоких сосен. Я принял решение для ведения огня поставить на прямую наводку все орудия батарей на восточном берегу реки Дрисса. Стволы орудий выглядывали из-за больших сосен...

Вражеская оборона проходила по западному берегу реки Дрисса. Оба берега были крутыми.

1115-й, 1117-й и 1119-й полки готовили подручные средства для форсирования водной преграды. Вдали от берега пилили лес, подтаскивали к берегу, вязали плоты и в ночной темноте спускали их вниз, к берегу.

Рано утром 10 июля 1944 года артиллерийский полк открыл огонь по вражеским передовым позициям. Во время артподготовки началось форсирование реки. Передовые части без единого выстрела переправились на западный берег реки Дрисса. Вслед за стрелковыми подразделениями переправлялись артиллеристы-корректировщики огня батарей.

Как только основные силы стрелковых батальонов достигли западного берега реки Дрисса, артиллеристы перенесли огонь своих батарей в глубь обороны врага.

Немцы не ожидали такого мощного артиллерийского налета. Метким огнем батарей с прямой наводки артиллеристы сумели подавить огневые точки противника. Стрелковые роты без потерь ворвались в немецкие траншеи. Враг не выдержал натиска штурмующих стрелковых подразделений, стал в беспорядке отступать. Началось преследование врага.

Во второй половине дня 10 июля все батареи 891-го полка переправились через реку Дрисса и вышли на оперативный простор. Полки дивизии шли развернутым фронтом, сбивая на своем пути оставленные противником заслоны.

1119-й полк под командованием Н.Г. Мысина после прорыва обороны врага ушел во второй эшелон. Наступление продолжали батальоны 1115-го полка, поддерживаемого первым дивизионом, и 1117-й полк, который поддерживали второй и третий дивизионы.

После быстрого наступления 1115-й полк с первым артиллерийским дивизионом под командованием капитана И.И. Сало к утру 13 июля подошел к окраинам города Дрисса.

Город обороняли разрозненные части 225-й пехотной дивизии противника. 1115-й полк занял исходные позиции и подготовился к штурму. Первый артиллерийский дивизион подтянул свои батареи к переднему краю и обрушил мощный огонь на опорные пункты немцев. Артиллерийский налет длился несколько минут.

Сопrotивление противника было сломлено. Огневые точки фашистов были подавлены. Стрелковые роты поднялись в атаку на врага и ворвались в город. Завязались уличные бои. Сопrotивляясь, немцы стали отходить, бросая убитых и раненых.

К часу дня 13 июля город Дрисса был полностью очищен от оккупантов. Лишь с дальних позиций артиллерия противника изредка вела огонь по освобожденному городу.

В бою за город особо отличились бойцы и командиры первой батареи старшего лейтенанта А.В. Авраменко. Я объявил благодарность всему личному составу первого дивизиона и представил бойцов к правительственным наградам.

1117-й полк со вторым артиллерийским дивизионом тем временем успешно продвигался вперед. 17 июля ранним утром атаковали

противника на станции Бигосова, которую оборонял 656-й саперный батальон и пехотная рота врага. Немцы не оказали серьезного сопротивления и почти все сдались в плен.

Станция Бигосова была полностью заминирована врагом. Освободив и разминировав её, артиллерийский полк с передовыми стрелковыми частями 332-й дивизии подошли к границам Советской Прибалтики.

У всех бойцов и командиров было приподнятое настроение. Операция «Багратион» успешно и досрочно была завершена. Отсюда открывался дальнейший путь на освобождение Литвы и Латвии.

За успешные боевые операции по освобождению Советской Белоруссии сотни солдат и командиров были награждены орденами.

Особо хочется отметить солдат и командиров артиллерийского полка, таких как командиры дивизионов А.Л. Бураков, И.И. Сало, П.В. Харитошкин, начальник штаба полка М.И. Директоренко, А.П. Гавриленко, помощник начальника штаба полка В.П. Дорохов, В.А. Верушкин, М.А. Георгиев, начальник связи дивизионов С.П. Волков, Е.В. Гутерман, П.Г. Самохвалов, начальник разведки П.И. Витушкин, А.А. Миклошевский, командиры батарей В.Н. Орлов, В.М. Винокуров, И.Ф. Бибик, П.И. Оводов, В.П. Харьков, начальник штабов дивизионов М.П. Загрецкий, П.С. Подмазко, начальник боепитания В.В. Платонов, начальник артиллерийских мастерских В.И. Кукушкин, командиры взводов И.Т. Ваньков, С.К. Ворыханов, М.В. Гринченко, А.В. Баженов, И.П. Округин, командиры орудий А.Г. Романов, Г.М. Кокурин, разведчики В.А. Куренков, С.А. Коренюгин, Б.К. Камчаткин, И.Е. Недодолов, М.С. Урондин, М.В. Уколов, связисты А.И. Коликов, А.Ф. Ламасков, М.Д. Пометов, Г.Я. Рязанов, В.П. Сараев и многие другие солдаты, сержанты и командиры, которые личным примером, своей храбростью увлекали подчиненных на славные боевые дела во имя общей победы над злейшим врагом человечества – немецким фашизмом.

19 августа дивизионная газета «Фрунзевец» за № 175 поместила еще один список особо отличившихся в боях. Среди награжденных артиллеристов были лейтенанты С.А. Бартенев, К.Н. Нейман, сержант Б.К. Камчаткин, красноармеец С.Н. Коренюгин и многие другие воины артполка.